

Б. В. Федоренко

ЗДЕСЬ ОНИ ВСТРЕЧАЛИСЬ ПО ПЯТНИЦАМ (Достоевский в доме у Покрова)

Минует неделя, и в его комнате, глубокой ночью, появится офицер, одетый в голубое. И вместе с ним пристав и солдат, тоже в голубом.

«— По повелению <...>» (18; 174).

А сегодня, 15 апреля 1849 г., вызвавшись, надо быть у Петрашевского, на «пятнице» (см.: 18; 146).

В пальто и пуховой шляпе, уже на ходу сказав два–три незначащих слова хозяйке, он вышел из дома и по Вознесенскому проспекту направился к Садовой улице. Тут, на углу, не переходя Садовой, свернул направо и пошел в сторону Покровской площади. Нужен ему был дом под номером 118, дом по правой руке. Это не оговорка. В то далекое теперь уже время четной стороной каждой петербургской улицы являлась именно та, которую мы теперь знаем как нечетную.

Была в тогдашней нумерации домов и еще одна особенность: всякий из них имел два, три и четыре номера — по так называемым оценочным табелям и номер полицейский. Тот же дом, по Садовой улице, 118, и соседний, под номером 116, принадлежавшие семье отставного штабт–физика В. М. Петрашевского, были известны: первый под номерами 432, 346 и 118, а второй — 431, 345 и 116¹. Такая многозначность была, естественно, неудобна, особенно если домами, рядом стоящими, владело одно лицо. Здесь уже и сам хозяин, и его домашние порой терялись и допускали ошибки.

«Жительство имею, — указано в одном из прошений старшего сына Петрашевского Михаила, кандидата университета, — 4 часть, 4 квартал, в доме под № 345 / 55 и 446 / 32»². «Жительство имею, — сообщалось в другом документе, — в 4-й Адм<иралтейской> части, в 4 кварт<але>, в собственном доме под № 116, на Покровской площади»³. А вот несколько

¹ Санкт–Петербургский исторический архив (далее — СПИА), ф. 513, оп. 168, ед. хр. 239, л. 24 об.

² Там же, ф. 268, оп. 1, ед. хр. 8982, л. 13.

³ Там же, л. 32 об.

слов из его объявления на страницах столичной газеты: «Имеющие надобность в адвокате, ходатае, стряпчем или поверенном по делам, могут узнать о нем в Большой Коломне, на Покровской площади, в каменном доме Петрашевских, под № 116–334, в квартире хозяина»⁴. Удивительное разногласие данных.

Куда внимательней была вдова штадт–физика. Она всегда писала: «Жительство имею 4 ч., 4 кв., в собственном доме № 345 / 116»⁵ или: «4 части, 4 квартала, в доме наследников Петрашевского № 345»⁶.

Итак, дом № 345 / 116 — первый на пути, а следующий, № 346 / 118, — тот, о котором в объявлении Петрашевского сказано: «каменный». Существует этот дом и поныне, но только видом своим, «ампирно» улепленный, отличен от того, каким знали его в середине позапрошлого столетия.

В те годы дом был в четыре этажа. Штукатурку первого и второго этажей прорезали полосы–русты, стены верхних — гладкие. Над окнами третьего этажа, через одно, простого вида выступы. Такой же выступ над выходом на балкон по Садовой. Парадная дверь в центре и точно под балконом. И через эту дверь можно было по глухому коридору попасть на лестницу или во внутренний двор⁷. Обычный петербургский дом со сравнительно недорогими, сдаваемыми внаем квартирами.

По Садовой улице, в первом этаже дома, с одной стороны от парадного входа — портерная, с другой — пекарня. В верхних этажах — квартиры. Одна из лучших, девятая, — в третьем этаже — стоила в год триста рублей серебром⁸. Позволим себе выписать несколько слов о квартире из описи, составленной в августе 1845 г.

«На Садовую улицу, — отмечено в описи, — комнат 4, во двор две, передняя, 4 комнаты обиты обоями. Окон на улицу Садовую 8 и балкон, на площадь 3 окна, во двор три и на лестницу одно»⁹.

В помещения для разных хозяйственных надобностей можно было попасть, выйдя из квартиры через особую дверь и оказавшись на галерее, пристроенной к дому со стороны двора. Трудно сказать, как эта галерея выглядела, но на одном из чертежей дома сделана надпись, в которой, как обязательное условие намеченной очередной перестройки, указано: «...чтобы деревянные временные сараи и таковые же галереи лицевого дома, прикрытые тушью, были уничтожены ныне же, немедленно», «во всяком случае, до приступа к разрешенным работам»¹⁰.

Отмечая так обстоятельно отдельные особенности и данные, связанные с этим домом, мы не намерены, конечно, умолчать о втором доме Петрашевских, под номером 345 / 116. Напротив, о доме детства, юности

---

⁴ Ведомости С.–Петербургской полиции. 1847. № 33. 12 февраля. С. 3. Ср. там же: 1847. № 15. 20 января.; 1847. № 40. 20 февраля.

⁵ СПИА, ф. 268, оп. 1, ед. хр. 8982, л. 8 об.

⁶ Там же, ед. хр. 8979, л. 44а об.

⁷ Там же, ф. 513, оп. 102, ед. хр. 3839, лл. 26–29.

⁸ Там же, ф. 268, оп. 1, ед. хр. 8978, л. 190.

⁹ Там же, ед. хр. 8990, л. 15.

¹⁰ Там же, ф. 513, оп. 1, ед. хр. 3833, л. 27.

и мужания Петрашевского–младшего нужно бы говорить прежде всего, но так уж получилось.

Дом 345 / 116 давным–давно уничтожен пожаром, утеряны и чертежи, по которым можно было бы составить понятие о его виде и планировке. Но некоторые сведения о нём всё же известны. По современной нумерации дом значился бы по адресу: Садовая, 109. Длинной он был что–то около двадцати метров. В описи отмечено: нижний этаж каменный, со сводом, два верхних этажа деревянные. Далее записано: «частью крыт железом и частью тесом»¹¹.

Первый этаж, как следует из той же описи, был отдан под мелочную лавку и две квартиры, в одну и две комнаты¹².

Весь второй этаж, согласно «Ведомости подробного исчисления дохода с домов»¹³, занимали «наследники» штадт–физика. Квартира состояла из одиннадцати комнат, шесть из которых одиннадцатью окнами выходили на Покровскую площадь. Была передняя, было два темных коридора. «Полы по всей означенной квартире — читаем в той же описи — простые, крашенные и ветхие». Стены и потолки требуют «возобновления краски и починки штукатурки». Полагалось к оплате за эту квартиру двести семьдесят пять рублей серебром в год.

В третьем этаже дома было две небольшие квартиры ценою в 159 и 85 рублей в год. Одна из них имела «маленький ветхий балкон» и вместе шесть окон. К дому со стороны двора примыкала «маленькая деревянная пристройка». Во втором этаже ее была «кухня квартиры наследников». Там были «изросчатая (изразчатая. — *Б. Ф.*) русская печь», плита чугуная, железный шкаф и «особо вмазанный котел», но все «ветхое, требующее непременно перестройки»¹⁴.

Выше было сказано: это дом детства, юности и мужания Петрашевского–младшего. И это действительно так. О том убедительно свидетельствуют документы. Но вот утверждение, что в этом самом доме, в квартире «теперь уже переводчика Министерства иностранных дел Михаила Петрашевского» с зимы 1845 г. открылись и проходили его «пятницы», — явно ошибочно.

Впервые оно было заявлено П. Столпянским в книге «Революционный Петербург. У колыбели русской свободы». О доме же он писал: «Домик был деревянным, маленьким, типичным домиком старой Коломны; наверху крыши шел резной конек, резьба была и под окнами; на улицу выходило крылечко с покосившимися от времени ступеньками, лестница в два марша вела во второй этаж, ступени и дрожали, и скрипели, и вызывали невольную боязнь — де выдержит ли лестница тяжесть поднимающегося по ней? Только в особенных случаях по вечерам лестница освещалась вонючим ночником, в котором коптело и чадило конопляное масло...»¹⁵.

¹¹ Там же, ф. 268, оп. 1, ед. хр. 8990, л. 9.

¹² Там же, л. 10.

¹³ Там же, ф. 268, оп. 1, ед. хр. 8979, л. 2 об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Столпянский П. Н. Революционный Петербург. У колыбели русской свободы. СПб.: Колос, 1922. С. 10–11.

И далее:

«В этом маленьком домике помещался хозяин всего этого земельного участка, сын бывшего штатт-физика <...> Василия Михайловича Петрашевского. В большом каменном доме помещалась квартира его жены-вдовы с дочерьми. Сам Петрашевский после смерти отца не ввелся в наследство, не выделил из него мать и сестер, а наоборот, стремился пользоваться самою незначительною частью, а потому и занимал небольшую квартиру в деревянном флигельке»¹⁶.

Все это с некоторыми дополнительными «уточнениями» повторяется и в наши дни, во многих изданиях и многими авторами.

Но эти данные, повторим, ошибочны и совсем не соотносятся со сведениями из официальной переписки. Они столь же неверны, как неверно и утверждение о попытке Петрашевского устроить в «своем небольшом имении» зимой 1847 г. фаланстер для местных крестьян. Никогда Михаил Петрашевский «своего» имения не имел. Он являлся старшим из наследников, но все просьбы и попытки его стать опекуном над оставшимся после отца имуществом, движимым и недвижимым, постоянно отклонялись. И в числе первых, противившихся этому, была его мать Федора Петрашевская, женщина сварливая, завистливая и скупая. Сохранился ее рапорт, в котором она крайне неодобрительно отзывается о домогательствах сына на роль опекуна¹⁷. Она, придирчиво следя за взиманием квартирной платы, учитывала каждую копейку и то, «сколько же на господских полях высеивается какого хлеба»¹⁸.

30 апреля 1847 г. в своем объяснении на замечания по отчету опекунов Ф. Петрашевская писала: «Наследницы остались в занимаемой ими до того квартире, между тем как совершеннолетний наследник, к общему ущербу, выбрался из занимаемой им до того половины той квартиры на другую; а потому и следовало бы с него в пользу сонаследниц взыскать деньги за занимаемую им ныне квартиру из 200 руб. сереб. в год по расчету.

До окончательного раздела, подробных сих расчетов определить невозможно, ибо, если совершенный наследник, как должно заключить из объявления, напечатанного в Ведомостях С.-Петербургской полиции, где он себя именуется владельцем домов (т. е. оставшихся после покойного его родителя), предпочитает оставить за собою дома, а населенные имения предоставить сонаследницам, в таком случае они имели бы право требовать вознаграждение за находившихся у него в услужении людей»¹⁹.

В сведениях о доходах с недвижимого имения указывается: «В прочих же деревнях крестьяне все обязаны ходить на барщину, за увольнение от которой, временно, по желанию их, для свободных промыслов на несколько недель или месяцев, они, смотря по времени года, обязываются взносом умеренной платы, которую вместо уплаты деньгами иногда

---

¹⁶ Там же. С. 11.

¹⁷ СПИА, ф. 268, оп. 1, ед. хр. 8982, л. 20, 20 об.

¹⁸ Там же, ед. хр. 8978, л. 190, 190 об.

¹⁹ Там же, ед. хр. 8982, л. 174, 174 об.

поверстают вывозкою дров, от продажи которых выручаются деньги»²⁰. Можно ли, зная такое, говорить, и еще так уверенно:

«Достал плотников по соседству. Барский лес не жалели. Изба росла изо дня в день. Широкая, высокая. <...> Сегодня Михаил Васильевич делает последний обход фаланстера»²¹.

Нет, мнения и желания Михаила Петрашевского вдову статского советника и главную опекуницу совсем не занимали. Что-нибудь предпринять помимо ее воли никто из наследников был просто не в состоянии. А после того как сын ее повелением Николая I был сослан в каторжные работы, она, мать, подписала рапорт, текст которого начинается со слова «преступник»:

«После преступника Михаила Васильева Буташевича—Петрашевского оказалось разное движимое имущество, которое, как видно из описи, составленной местной полицией <...> оценено в 141 р. 27 коп. сер. Почти все это имущество, состоящее из вещей, подверженных тлению, не только не приносит никакой пользы, но <...> с каждым днем приходит все более и более в ветхость, так что есть все причины опасаться, что оно в скором времени потеряет и ту цену, в которую оценено присяжными ценовщиками; а потому для сохранения пользы <...> покорнейше просим снабдить нас указом, который бы разрешил нам сделать распоряжение о продаже вышеозначенного имущества с аукционного торга»²².

Положено было разрешить. И торг состоялся.

Вот кое-что из списка «вещей» Петрашевского, оцененных в 141 рубль серебром²³:

Мебель: три дивана орехового дерева, обитые цветным коленкором, шесть стульев и шесть кресел орехового дерева, обитых тем же цветным коленкором, стол преддиванный, маленький столик, выкрашенный под орех, этажерка простого дерева.

Одежда: теплая на вате темнозеленого сукна шинель, пальто темнокоричневое на вате, альмавива летняя синего сукна с плисовыми бортами, черные суконные брюки, летние брюки белые — все старое.

Посуда: семнадцать тарелок, тринадцать блюдец и стаканов, две рюмки, пять ножей, семь вилок, семь медных подсвечников, семь серебряных чайных ложек, сахарница, самовар желтой меди.

Разное: парик, круглая белая шляпа, коробка для писем, диплом на степень кандидата, выданный 18 февраля 1841 года, за № 586 Петрашевскому из С.—Петербургского университета, копия с формулярного списка Петрашевского за 1845 год, патент на чин 14 класса, выданный Петрашевскому 15 ноября 1840 года за № 857 из Правительствующего Сената.

²⁰ Там же.

²¹ Прокофьев В. Петрашевский. М., 1962. С. 94, 96.

²² СПИА, ед. хр. 8978, л. 307 (96).

²³ Описание имуществу, оставшемуся после преступника Буташевича—Петрашевского, учиненная согласно предписанию 1 Департамента С.—Петербургской Управы Благочиния от 6 июля 1850 г. за № 10394. — СПИА, ф. 268, оп. 1, ед. хр. 8978, л. 209.

Бумаги и книги: тюк в несколько пудов разных писаных бумаг, книги на русском языке, в переплетах и обертках — семьдесят девять, на французском языке — триста восемь, на немецком — сто тридцать четыре, по оценке всё на сумму 16 рублей 90 копеек.

Стучал молоток. Покупщики, наполнявшие комнаты, были — сплошное довольство. Книги достались какому-то букинисту, тяжелый тюк с бумагами унес лавочник с рынка.

Однако обратимся к вопросу о доме, в котором Петрашевский и его товарищи собирались по пятницам. Данные позволяют вполне определенно утверждать — это каменный дом под номером 346 / 118 (Большая Садовая, 111 / 113), третий этаж, квартира девять.

Данные эти сводятся к следующему.

Во-первых. Свидетельство Михаила Петрашевского, его газетные объявления, — «могут узнать <...> в каменном доме <...> в квартире хозяина».

Во-вторых. Сведения из переписки по Третьему отделению. — «Имение <...> состоит <...> и трех домов в 4 Адмиралтейской части, из коих один большой, каменный, в несколько этажей, где живет сам Петрашевский, другой дом деревянный, рядом с первым, где живет мать с двумя незамужними дочерьми. Оба дома эти на Покровской площади...»²⁴.

В-третьих. Показания агента, засланного в кружок петрашевцев. В его показаниях не забыты и выход из квартиры через кухню, и свет от свечи на площадке перед парадной дверью, и окошко из передней на лестницу. Особенно окошко. Ни в одной из квартир, кроме девятой, такого не было.

«<...> я употреблю все средства сблизиться с сидельцем портерной лавочки (в доме Петрашевского), через которого могу удобно сойтись с человеком Чирикова²⁵, титулярного советника, дабы извлекать у него для известного вам дела пользу»²⁶.

«Когда я у известного лица провел ночь, то в тот вечер мальчишка спрашивал его, куда ему прикажут лечь спать, в передней ли, так как у него гость, или у себя на кухне? Из этого я заключаю, что когда у известного лица бывают гости, то для предосторожности один мальчишка всегда спит в передней, а другой на кухне, т.е. при входе с черной лестницы»²⁷.

---

²⁴ ГВИА, ф. 84 / 28, ед. хр. 55 / 22, л. 57. На этот каменный дом, где проходили «пятницы», в свое время указывал и В. И. Семевский.

²⁵ В Списке № 1, «лицам, посещавшим с 16-го марта 1849 года собрания Петрашевского по пятницам», Чириков записан 31-м: «Надворный советник. В Коммерческом банке, чиновник особых поручений». «Жительство: 4 части, 4 квар<тала>, в доме Петрашевского» (ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1849, ед. хр. 214, ч. 1, л. 17 об.) и в пояснительном примечании: «По сведениям марта 1849 года, было уже известно, что Чириков есть один из постоянных посетителей собраний Петрашевского, в доме которого и живет. 15 апреля был на собрании и при чтении письма Белинского улыбался и про себя что-то говорил (№ 31)» (Там же, л. 18).

²⁶ ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1849, ед. хр. 214, ч. 2, л. 82.

²⁷ Дело петрашевцев. Т. III. С. 404.

«<...> на окошке, выходящем из передней комнаты квартиры известного лица на лестницу, стояла свеча, вероятно для того, чтобы замечать людей, которые будут приходить. Видя эту предосторожность, я встал таким образом, чтобы меня не было видно из окошка, и вслед за этим позвонил. Двери открыло мне само известное лицо...»²⁸.

«По моему мнению, атаку на квартиру известного лица должно сделать с двух сторон — через кухню и парадный вход, при третьем же, всегда запертом, достаточно поставить караул. Явиться должно с двух сторон непременно в одно и то же мгновение, и так как известное лицо само отворяет парадную дверь, то захватить тотчас же его первого и выводить на лестницу, чтобы оно не могло подать какого-нибудь, может условленного, сигнала»²⁹.

В-четвертых. Объяснения Михаила Петрашевского и Федоры Петрашевской в связи с подсчетами доходов по «имению».

Из замечаний Петрашевского на отчет опекунов по имению от 4 июня 1846 г:

«Назначена в доходах с домов квартира, занимаемая наследниками <...> ценою в 1500 руб. ас. в год.

За занятие оной квартиры с 19-го августа по 24 октября падала на меня из этой цены 1 / 6, т.е. из 271 руб. ас., следующих в качестве наличной платы с квартиры, за 66 дней приходится на мою долю 45 руб. 20 к. ас. Соразмерно с этим г-жи мои сонаследницы имели право пользоваться квартирою на 33 руб. 80 к. ас., почему за наем квартиры сонаследницами оказывается не введенными в общий счет доходов сто девяносто два рубля ассигнациями или пятьдесят четыре рубля восемьдесят пять копеек сереб.

За занятие родительницею и наследницами той же квартиры с 24-го октября по 1 генваря, т.е. за 68 дней, следует получить 279 руб. 23 к. ас. Но как мною в то же время была занята квартира, за которую стоит получить 73 руб. 64 к. ас., то мои сонаследницы являются вправе занять квартиру соразмерно с этим или получить деньгами 55 руб. 23 к. ас., то, следовательно, оказывается, что они передержали 224 рубля или шестьдесят четыре рубля серебром <...>»³⁰.

Легко заметить, что в объяснении Петрашевского упоминаются две квартиры, — та, которой он пользовался наравне с другими членами семьи, и та, которую он занял с 24 октября 1845 г. самостоятельно.

Петрашевский ограничивается замечанием: «мною в то же время была занята квартира». Ф. Петрашевская в своих объяснениях, от 2 февраля и 20 февраля 1853 г., называет номер дома и номер квартиры и вдобавок упоминает Чирикова, как съемщика квартиры, сданной ему Петрашевским.

«<...> доходов с дома № 346 недобрано <...> по следующим причинам: во 1-х, **квартира № 9 была занята совершеннолетним наследником,**

²⁸ Там же. С. 413.

²⁹ Там же. С. 440.

³⁰ СПИА, ф. 268, оп. 1, ед. хр. 8978, л. 9 об.

бывшим титулярным советником Петрашевским и оставалась после него опечатанною почти до конца года и тогда уже отдана жильцам, почему недобрано с нее <...>; во 2-х, им же, Петрашевским, была отдана квартира № 10 г. Чирикову, как объяснено в рапорте моем от 20 сего февраля за № 6-м, за которую недополучено <...>»³¹.

«В 1846 г., в 1847 и 1848 годах <...> поступило менее против оценки <...> Недобор <...> в доме № 346 преимущественно произошел по следующим причинам: во-1-х, совершеннолетний наследник, бывший титулярный советник Петрашевский, живший первоначально с прочими сонаследниками <...>, в 1845 году занял отдельную квартиру № 13, потом в 1846 г. — № 11 и, наконец, № 9, которая и оставалась за ним и впоследствии, за что в течение 3 лет причиталось <...>, сверх того недобор <...> за простой квартир при сих перемещениях; 2) Им же, Петрашевским, по праву совокупного владения нераздельным имением, была отдана квартира № 10 г. Чирикову, за которую вместо предположенной за нее в два года суммы недополучено <...>»³².

В эту, под номером 9, квартиру, в каменном доме, и направлялся Федор Михайлович Достоевский 15 апреля 1849 г. В какую-то минуту, удалившись порядком от угла Вознесенского и Садовой улицы, он даже (представим себе такое) пожалел, что не взял извозчика. Когда подошел к дому, уже наступали сумерки. Парадная дверь оказалась на замке, и ему пришлось пройти под ворота и уже со двора — на лестницу. Как обычно, в окошке, выходявшем на площадку, проглядывал спокойный огонек свечи. Федор Михайлович, выяснилось, был последним, кто уже собрался на «пятницу», представим себе и такое.

И сразу хозяин:

— Тетрадь при вас?

— Что за тетрадь? Откуда? — спросил кто-то из собравшихся.

— Переслал приятель, — ответил Достоевский, помедлив, даже не взглянув на спросившего.

Но хозяин в глазах Достоевского прежде вычитал ответ на свой вопрос: «Я вызвался сам при нашем свидании, я дал обещание, я не отказываюсь от него» (см.: 18; 146).

— Садитесь вот тут, Достоевский, — сказал Петрашевский. — Вот в это кресло, нет сюда, ближе к свету. Ну, кажется, теперь удобно?

Достоевский кивнул, соглашаясь. Сел, вынул из кармана сюртука тетрадь, совсем тоненькую, без обложки. Собственно, это была и не тетрадь вовсе, а несколько листков писчей бумаги, согнутых пополам, прошитых по сгибу и исписанных с двух сторон. Переписка — три старательно переписанных письма: письмо Гоголя, потом письмо Белинского и другое еще письмо Гоголя.

Первое письмо Гоголя. Замечания и мысли человека, в полной мере огорченного.

³¹ Там же, ед. хр. 8979, л. 46.

³² Там же, л. 44, 44 об.

«Я прочел с прискорбием статью Вашу обо мне во 2 номере Современника, не потому, чтобы мне прискорбно было то унижение, в котором Вы хотите поставить меня в виду всех, но потому что в ней слышится голос человека, на меня рассердившегося»³³.

Достоевский остановился и с силой вздохнул, словно ему не достало дыхания. Начал он тихо и несколько даже с хрипотцой в голосе. Вдруг заглянул на другие страницы тетради, потом обвел взглядом комнату и всех сидящих. Почти все кресла, диван и стулья были заняты. На столе перед диваном уставленные на середине стаканы, блюдца, несколько ложек, сахарница с помятыми краями, на маленьком столике в углу комнаты желтое пятно самовара. Позади столика еще одно желтое пятно — лицо господина, появившегося у Петрашевского совсем недавно. Петрашевский их знакомил. Какая-то итальянская фамилия. У Достоевского от знакомства чувство не из приятных.

Он стал читать далее и уже не отрывался до последней строки письма. И потом сразу ответ Белинского. Голос Достоевского оставался все таким же тихим и покойным, но, удивительно, каждое произнесенное им слово теперь звенело, влекло, вопияло.

«<...> нельзя перенести оскорбленного чувства истины, человеческого достоинства, нельзя молчать, когда, под покровом религии и защитой кнута, проповедуют ложь и безнравственность, как истину и добродетель. Да, я любил вас со всею страстью, с какою человек, кровно-связанный с своею страной, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития, прогресса. И вы имели основательную причину, хотя на минуту, выйти из спокойного состояния духа, потерявши право на такую любовь».

На лицах слушавших внимание. Внимательным был и тот, с желтым лицом. Он старался не упустить и малость из письма и неприметно оглядывал соседей. Ему было очень нелегко: наблюдать, запоминать и про себя отбирать слова для доноса.

«В это собрание Федор Михайлович Достоевский читал переписку Гоголя с Белинским, по поводу критики, написанной этим последним на последнее сочинение Гоголя <...> Письмо же Белинского к Гоголю замечательно как по смелости идей, так и по резкости выражений. В этом письме Белинский, в ответ на данное ему прозвище Гоголем раздражен-

³³ Цитируем по списку «Переписки», хранящемуся в фонде рукописей Государственного литературно-мемориального музея Ф.М.Достоевского в Санкт-Петербурге (ЛМФД. Р. 207). Из всех известных списков «Переписки» музейный список представляется нам наиболее исправным. В фонды музея список поступил от потомков близкого приятеля Достоевского — А.У.Порецкого. Есть основания полагать, что это копия, сделанная А.У.Порецким с того самого списка, по которому Достоевский читал «Переписку» на «пятнице» у Петрашевского. Далее текст «Переписки» (в том числе и письмо Белинского к Гоголю) цитируется по музейному списку. Подробнее о музейном списке см. в сравнительном разыскании «Неизвестный список письма Белинского к Гоголю», подготовленном нами к печати. [Публикация этой статьи планируется в одном из ближайших номеров альманаха. — *Ред.*].

ного человека, говорит, что более нежели раздражен, но убит душою, представляя себе, что существуют такие люди, которые воспевают нынешний порядок вещей»³⁴.

Достоевский читал, и словно не он, но сам уже критик был тут, рядом, и с гневом выговаривал автору «Переписки с друзьями»:

«Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов! Что вы делаете? Взгляните себе под ноги; ведь вы стоите над бездною...»

Тот, с желтым лицом, спешил дополнить:

«Потом он разбирает положение России и народа. Сперва он говорит о религии, говоря, что православная религия есть самая подлая религия из всех, что она всегда служила орудием власти, всегда подчиняла себя светским властям, что вместо того, чтобы проповедывать истинную христианскую религию, состоящую в братстве, равенстве и человеколюбии, она старалась народ угнетать, поработать»³⁵.

Достоевский читал:

«Вы, сколько я вижу, не совсем хорошо понимаете русскую публику. Ее характер определяется положением русского общества, в котором кипят и рвутся наружу свежие силы, но сдавленные тяжелым гнетом, не находя исхода, производят только уныние, тоску, апатию. Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед. Вот почему звание писателя у нас так почтенно, почему у нас так легко литературный успех, даже при маленьком таланте. Титло поэта, звание литератора у нас давно уже затмило блестящие эполеты и разноцветные мундиры. И вот почему у нас в особенности награждается общим вниманием всякое так называемое либеральное направление, даже при бедности таланта, и почему так скоро падает популярность всяких талантов, искренно или не искренно отдающих себя в услужение православию, самодержавию и народности. Разительный пример — Пушкин, которому стоило написать только два верноподданнические стихотворения и надеть камер-юнкерскую ливрею, чтобы вдруг лишиться народной любви».

И тот, желтолицый, запомнил:

«Упрекая Гоголя в брани литераторов, кричавших ему хвалу за его сочинение „Мертвые души“, Белинский говорит, что хотя многие и не знали, что они кричат, то все-таки их надо было простить за крик, который был криком всего общества. Что наше общество понимает всю тягость своего положения, полагает всю свою надежду на литераторов. Что, несмотря на всю строгость цензуры, все-таки остается возможность литераторам высказывать общее сочувствие общества. Это доказывается и тем, что Пушкин так скоро потерял известность. До тех пор пока Пушкин был представителем народа, все его любили, все пред ним благогове-

---

³⁴ Дело петрашевцев. Т. III. С. 433.

³⁵ Там же. С. 433.

ло, но стоило Пушкину написать две, три статьи противу своих убеждений, и вот он погиб, об нем больше и не помнят!»³⁶.

Потом, записывая донос для представления по начальству, добавил: «Это письмо произвело общий восторг. Ястржембский при всех местах, его поражавших, вскрикивал: Отто так! Отто так! Чириков хотя не говорил ни слова, но все улыбался и что-то про себя ворчал. Баласогло приходил в исступление, и, одним словом, все общество было как бы наэлектризовано. Я надеюсь это письмо достать. Оно действительно интересно, и прочесть его необходимо, потому что я, сознаюсь, передал его весьма слабо»³⁷.

Доставать письмо не было, однако, надобности. Еще одна неделя, и Николай I накануне последней уже «пятницы», в надежде и гнев, перед тем как закрыть папку с обзором «известного дела», с алфавитными списками, адресными отметками и замечаниями о порядке ареста подозреваемых, соизволит написать:

«Я всё прочел <...>

С Богом! да будет воля Его»³⁸.

Кареты с жандармскими офицерами, каждый с четко выверенным предписанием: «...завтра в 4 часа пополуночи арестовать» (18; 176) — Достоевского и многих других.

Явились жандармы и в «каменный» дом Петрашевского.

Старый петербургский дом, 111–113, по Садовой улице. И может быть, от других домов, таких же старых, его будет отличать установленная доска со словами:

«В этом доме, в девятой квартире третьего этажа, в 1845–1849 годах бывали „пятницы“ передовой петербургской молодежи. Здесь 15 апреля 1849 года Ф. М. Достоевский читал „Письмо к Гоголю“ Белинского, одно из произведений бесцензурной печати».

---

³⁶ Там же. С. 434.

³⁷ Там же. С. 435.

³⁸ ГАРФ, ед. хр. 214, ч. 1, л. 59.